

На правах рукописи

Ващенко Михаил Сергеевич

**Хорватско-российские
общественно-политические и
культурные связи
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2011

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук
Институте славяноведения РАН в Отделе истории
славянских народов периода мировых войн

Научный руководитель

доктор исторических наук
Шемякин Андрей Леонидович
(Институт славяноведения РАН
Отдел истории славянских народов
периода мировых войн)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук
Чуркина Искра Васильевна
(Институт славяноведения РАН
Отдел истории славянских народов
Юго-Восточной Европы в Новое время)

кандидат исторических наук
Романенко Сергей Александрович
(Институт экономики РАН
Центр политических исследований)

Ведущая организация: **Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ**, кафедра всемирной и отечественной истории

Защита состоится **25 октября 2011 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901–902*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН

Автреферат разослан **25 августа 2011 г.**
и размещен на сайте Института славяноведения РАН:
<http://www.inslav.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.И. Данченко

© Институт славяноведения РАН, 2011 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Постановка проблемы

Диссертация посвящена исследованию хорватско-российских связей в общественно-политической и культурной сферах во второй половине XIX – начале XX вв. и роли различных деятелей в их формировании и развитии.

До начала XIX в. сложно говорить о каких-то сформировавшихся взаимных представлениях хорватов и русских друг о друге и тем более об устоявшихся контактах между двумя народами в культурной и общественно-политической сферах. Только в конце XVIII – начале XIX вв. Россия окончательно утвердилась в статусе великой державы, которая была покровителем угнетенных народов, в частности, в Юго-Восточной Европе. Именно тогда складывается балканское направление во внешней политике России. Но на покровительство Петербурга могли рассчитывать прежде всего православные славяне. Славяне-католики, в том числе и хорваты, в силу своей принадлежности к западной ветви христианства и интегрированности в имперский механизм geopolитического противника России – Австрии, не пользовались такой ее поддержкой в своей борьбе за национальное возрождение, как, например, сербы. Поэтому объектом заинтересованности представителей официальной России (прежде всего дипломатов) хорваты становятся сравнительно поздно, в середине девятнадцатого столетия.

Если с поддержкой хорватов на государственном уровне ситуация была непростой, то в научной сфере дела обстояли лучше. В начале XIX в. в нескольких крупнейших российских университетах зарождается отечественная славистика. Первые специалисты в области славянских языков и славянской культуры в 1830–1840-х гг. посещали хорватские земли, собирали материал для научной работы в хорватских библиотеках и архивах, знакомились со своими хорватскими коллегами. В этот период в Хорватии формируется иллирийское движение, с лидерами которого, в частности, с Л. Гаем, устанавливают контакты отечественные слависты. Русские периодические издания публикуют отчеты славистов о поездках, обзоры хорватской литературы, новости о деятельности иллириев.

Однако только применительно ко второй половине XIX в. можно говорить о серьезных и последовательных попытках налаживания хорватско-российских отношений в области культуры и в политической сфере. Хорватское национальное движение, зародившееся в начале XIX в. в форме иллиризма, имевшее в первую очередь культурную направлен-

ность, испытавшее себя на прочность в революцию 1848–1849 гг., в этот период стало приобретать ярко выраженную политическую окраску. В борьбе за самостоятельность хорватские общественные деятели искали союзников в Европе, среди великих держав. В числе этих союзников некоторые из них видели и Россию.

Один из идеологов и лидеров Партии права Е. Кватерник после окончания Крымской войны 1853–1856 гг. пытался искать поддержку своих идей в Петербурге и какое-то время состоял на русской службе. Его соратник А. Старчевич, посвятивший роли России в Европе и славянском мире несколько работ, также долгое время считал Россию союзником хорватского народа. Относились к России с симпатией и лидеры хорватского югославистского движения – епископ Й.Ю. Штроссмайер и Ф. Рачки. Среди хорватских ученых особую роль в установлении хорватско-российских контактов в области культуры сыграл Ватрослав Яич, проживший в России около десяти лет. В последней трети XIX в. значительный вклад в развитие отношений между Хорватией и Россией внесли лидер Хорватской народной крестьянской партии С. Радич, а также предприниматель и публицист, сторонник Партии права К. Геруц.

Интерес к Хорватии у представителей русского образованного общества также начинает интенсивно проявляться именно во второй половине XIX в. Русские дипломаты, работавшие в консульствах России в Риеке и Дубровнике, следили за жизнью хорватского общества и по мере возможности участвовали в ней. Л.В. Березин, вице-консул России в Риеке, стал автором ряда работ, посвященных истории, культуре и этнографии Хорватии. Особая роль принадлежит священнику русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому (1811–1884), выступавшему в качестве посредника между Россией и зарубежными славянами, в том числе и хорватами. Многие отечественные слависты (В.В. Макушев, К.Я. Гrot, П.А. Кулаковский, И.Н. Смирнов) уделяли хорватской теме внимание – как в работах общего характера, так и в трудах, посвященных непосредственно Хорватии.

Итак, с одной стороны, хорватско-российские связи по сравнению, например, с сербско-российскими, не являлись приоритетными для правительства России и русского общества в силу принадлежности хорватов к католическому миру и подчиненности их Габсбургам. С другой – эти связи существовали и развивались благодаря хорватским и российским ученым, дипломатам, общественным деятелям. Именно во второй половине XIX – начале XX вв. хорватско-российские отношения стали приобретать ясные очертания. Изучение всех аспектов этих отношений

позволит понять особенности их развития и формы, которые они приобретали, определить место, которое Хорватия занимала в научной и общественной жизни России, и степень влияния самой России на развитие хорватского общества и хорватской политической мысли.

Актуальность исследования состоит в том, что изучение хорватско-российских отношений во второй половине XIX – начале XX вв. позволяет расширить общую картину становления отечественной славистики в указанный период и составить представление об отношении в России к зарубежным и, прежде всего, австрийским славянам. Кроме того, данная работа помогает углубить и дополнить представление о политическом и культурном развитии хорватских земель в период становления хорватской национальной идеологии и формирования хорватской нации.

Основные цели и задачи исследования

Целью настоящего диссертационного исследования является всесторонний анализ процесса развития хорватско-российских отношений в общественно-политической сфере и в сфере культуры в указанный период. Данная цель предполагает постановку следующих задач:

1. Рассмотреть начальный этап становления хорватско-российских связей в первой половине XIX в.;
2. Определить место хорватской темы в работах отечественных славистов во второй половине XIX – начале XX вв.;
3. Проанализировать роль и значение деятельности М.Ф. Раевского в налаживании и поддержании хорватско-российских контактов;
4. Определить вклад Й.Ю. Штроссмайера, Ф. Рачки, А. Старчевича, Е. Кватерника, В. Ягича, С. Радича и К. Геруца в развитие хорватско-российских связей;
5. Провести аналитический разбор текста сочинения «Хорваты и борьба их с Австроией» и попытаться установить его авторство.

Методология исследования

Диссертация написана с учетом современных методов исторических исследований. При работе над ней применялся историко-сравнительный метод, анализ (в том числе текстологический) и синтез. Для решения поставленных научных задач проводился критический анализ исторических источников, использовались принципы объективности и системности.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX – начало XX в. Нижней хронологической границей является 1856 г., дата окончания Крымской войны, после которой в общественно-политической жизни России стали происходить изменения, способствовавшие росту интереса к славянам. С другой стороны, с середины 1850-х гг. в хорватских землях начинается формирование двух национально-интеграционных идеологий – югославизма и праваштва. Верхней хронологической границей является 1914 г., начало Первой мировой войны. Некоторые исторические сюжеты начала XX в., требующие отдельного исследования (к примеру, участие хорватов и русских в неославистском движении), оставлены за рамками настоящей работы.

В исследование включен экскурс в историю развития хорватско-российских связей в первой половине XIX в.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые в отечественной историографии хорватско-российские отношения во второй половине XIX – начале XX вв. рассматриваются как комплекс проблем политического и культурного характера. Связи двух народов реконструируются и исследуются в контексте развития отечественной славистики, а также в рамках общественно-политического развития как России, так и хорватских земель. Также впервые изучен вопрос о пропагандистской деятельности Партии права в России. Впервые в научный оборот вводится ряд новых источников, на основе которых предпринята попытка переосмыслить существующие в науке представления, предложить оригинальную авторскую интерпретацию изучаемых событий.

Практическая значимость работы

Материалы и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы при создании обобщающих исследований как по истории отечественного славяноведения в XIX – начале XX вв., так и общественно-политического развития хорватских земель, а также при подготовке учебных пособий и специальных курсов по истории югославянских народов в указанный период.

Апробация работы

Основные положения и выводы исследования автора диссертации отражены в публикациях автора (см. список работ), а также в выступлении на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2011» (Москва, апрель 2011 г.).

Степень научной разработанности проблемы

Хорватско-российские контакты в общественно-политической и культурной областях как объект исследования стали привлекать внимание российских ученых и их хорватских коллег уже на рубеже XIX–XX вв. В работах отечественных историков и филологов того времени, помимо сведений о собственно хорватской истории и культуре, упоминалось о связях двух народов, о том, что объединяет или, напротив, разъединяет их. Хорватские авторы XIX в. в своих трудах также часто упоминали о контактах своих выдающихся современников с Россией. Особенность этих работ состоит в том, что некоторые из них можно рассматривать одновременно и как историографические работы, и как исторические источники. Но об определенной историографической традиции изучения хорватско-русских связей как в отечественной, так и в югославской (хорватской) историографии можно говорить только применительно ко второй половине XX в. Роль таких деятелей, как Й.Ю. Штросмайер, В. Ягич, С. Радич, внесших значительный вклад в установление контактов между двумя народами, анализировалась как в общих работах по истории Хорватии, так и в специализированных исследованиях. Хорватско-российские связи изучались и изучаются в контексте исследования истории отечественного славяноведения XIX – начала XX вв.

* * *

В отличие от сербов или болгар, хорваты сравнительно поздно стали объектом непосредственного исследования русских ученых. Первой серьезной работой, посвященной Хорватии, стала книга историка, дипломата, этнографа и публициста Л.В. Березина «Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница» (1879). В работе содержатся географические, исторические, статистические и экономические сведения о хорватских землях, не обойдены вниманием вопросы их административно-территориального устройства, религии и культуры. Несмотря на то, что этому объемному труду свойственны компилятивность и некоторая эклектичность, его появление стало важным событием в истории отечественной крастики¹.

Известный русский литературовед, этнограф и публицист А.Н. Пыпин также обращался к хорватской теме. Так, в работе «Панславизм в прошлом и настоящем» он пишет, что отношение русского обще-

¹ Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница. Т. 1. СПб., 1879.

ства к «католическим сербо-хорватам...лишено связей единоверия», и поэтому русскому обществу гораздо труднее определить свое отношение к ним².

Монография П.А. Кулаковского «Иллиризм» стала первой в отечественной историографии работой, посвященной этому этапу хорватского национального возрождения³. Исследование иллиризма для Кулаковского важно прежде всего потому, что оно, по его мнению, может помочь понять характер русско-славянских отношений в целом.

В Советском Союзе в межвоенный период к теме хорватско-российских отношений обращался В.Н. Кораблев, исследовавший деятельность хорватского ученого И.В. Ягича⁴. Кораблев отмечал его заслуги в области славистики, но в то же время обвинял ученого в «примитивном патриотизме», службе интересам австрийской и русской буржуазии и непонимании «классового характера» науки. Хорватская тема нашла отражение и в статье А. Сидорова, представителя русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, опубликовавшего в 1926 г. в Загребе статью «Епископ Штроссмайер и русские»⁵.

Одним из наиболее выдающихся исследователей проблем хорватской истории в послевоенный период являлся В.И. Фрейдзон, автор статей и монографий по новой истории Хорватии⁶. Хорватско-

² Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002. С. 70.

³ Кулаковский П.А. Иллиризм. Варшава, 1894.

⁴ Кораблев В.Н. Памяти академика И.В. Ягича // Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1934. Т. II. С. 311–351.

⁵ Sidorov A. Biskup Strossmayer i Rusi // Strossmayer. Spomen-spis prigodom otkrivenja spomenika hrvatskom rodoljubu i narodnom prosvjetitelju. Zagreb, 1926. S. 63–67.

⁶ См., например: Фрейдзон В.И. Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии (деятельность Евгения Кватерника в 1858–1867 гг.) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 36–73; Он же. О жизни и деятельности Евгения Кватерника // Славянское возрождение. М., 1966. С. 139–150; Он же. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970; Он же. Статьи Степана Радича в журнале «Славянский век» // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне (XVIII – начало XX вв.). М., 1992. С. 215–222; Он же. Две беседы Й.Ю. Штроссмайера с российскими дипломатами // Lik i djelo Josipa Juraja Strossmayera. Zbornik radaova. Osijek, 2008. С. 189–200; Более подробную библиографию работ В.И. Фрейдзона можно найти в его книге «История Хорватии. Краткий

российские связи он рассматривал в рамках национально-освободительной борьбы хорватов в XIX в. В монографии «Борьба хорватского народа за национальную свободу» (1970) он писал о роли России в идеологии Партии права и хорватских югославистов. Отдельные статьи В.И. Фрейдзона посвящены деятельности Е. Кватерника, в которых учёный исследовал попытки хорватского политика заручиться поддержкой России после окончания Крымской войны. Заслугой ученого является выявление, перевод и опубликование важных архивных документов, проливающих свет на многие аспекты хорвато-российский связей, к примеру, автобиографии Кватерника или писем российских дипломатов о беседах с епископом Штроссмайером.

Об истории хорватско-русских связей писала И.И. Лещиловская, посвятившая несколько работ историю иллирийского движения в Хорватии в 30–40-е гг. XIX в.⁷. Помимо анализа сущности иллирийского движения как такового, она обращалась и к изучению контактов иллириров с представителями других славянских народов, в том числе и с русскими. Исследовательница посвятила отдельную статью освещению деятельности Й.Ю. Штроссмайера в русской периодической печати, сделав вывод, что газеты и журналы России, вне зависимости от направления, высоко оценивали его вклад в развитие отношений между Хорватией и Россией.

Деятельность Штроссмайера исследовала в своих работах и И.В. Чуркина. Она, в частности, писала о его контактах с русским философом В.С. Соловьевым и об их совместных усилиях, направленных на объединение церквей⁸, которые до того оставались за рамками серьезного анализа в отечественной историографии. Автор высоко оценивает ста- рания Соловьева и Штроссмайера, но приходит к выводу, что их идеи в

очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.)». СПб., 2001.

⁷ Лещиловская И.И. Иллиризм. К истории хорватского национального возрождения. М., 1968; *Она же*. О социальной сущности и периодизации хорватского национального возрождения// Советское славяноведение. № 5. 1971. С. 37–45; *Она же*. Славянские связи иллиризма в области культуры// Межславянские культурные связи. М., 1971. С. 112–136; *Она же*. Й.Ю. Штроссмайер в русской современной ему периодической печати // Lik i djelo Josipa Juraja Strossmayera... S. 511–530.

⁸ Чуркина И.В. В.С. Соловьев и Й.Ю. Штроссмайер об объединении церквей // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 143–148; *Она же*. Й.Ю. Штроссмайер и русское общество: особая роль М.Ф. Раевского и В.С. Соловьева // Lik i djelo Josipa Juraja Strossmayera... S. 493–509.

то время не могли практически осуществиться. И.В. Чуркина в течение длительного времени изучала контакты М.Ф. Раевского с зарубежными славянами, в том числе и хорватами⁹. Исследовательница ввела в научный оборот новые архивные материалы из фонда Раевского, которые проливают свет на отношения между хорватскими и российскими общественно-политическими деятелями во второй половине XIX в.

С.А. Романенко обращался к вопросу о хорватско-российских связях в рамках исследования влияния католицизма на формирование хорватской нации, в частности, об отношении А. Старчевича к русскому православию¹⁰. Более подробно хорватско-руssкие связи в XIX в. ученый рассмотрел в монографии «Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в.» (2002), где он пишет об отношении к России как лидеров Партии права, так и югославистов, а также о роли России в политических воззрениях С. Радича. Автор приходит к выводу о «несостоятельности мифа о том, что хорватский национализм неизбежно должен носить антирусский и антироссийский характер, а сербский – обязательно основан на обожании России и подчинении Сербии ее интересам»¹¹.

Хорватско-российские связи во второй половине XIX в. изучала Л.И. Ровнякова. В статье «Франьо Рачки и Россия» она, основываясь на богатом эпистолярном наследии хорватского ученого, осветила его деятельность на ниве укрепления этих отношений, его поездку в Россию, контакты с отечественными славистами. Отметив важную роль Рачки в их установлении, Ровнякова приходит к выводу, что тесные научные связи между хорватскими и русскими учеными, в частности, между двумя

⁹ Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70-е годы XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII в. – 70-е гг. XIX в.). М., 1974. С. 166–178; *Она же*. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан. XVIII–XIX вв. М., 1987. С. 62–75; *Она же*. М.Ф. Рајевски и Југословени // Историјски часопис. Књ. XXXII. Београд, 1986. С. 121–151.

¹⁰ Романенко С.А. Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской наций на территории Хорватии, Славонии и Далмации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 75.

¹¹ Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. М., 2002. С. 27.

академиями наук, в то время существовали, хотя правящие круги Габсбургской монархии пытались им помешать¹². Интересовалась исследовательница и биографией К. Геруца. Ему она посвятила отдельную статью, где описывается его роль как владельца «Русско-славянского книжного магазина» в Петербурге¹³. О деятельности Геруца в России писал и Е.Ф. Фирсов, который уделил особое внимание его участию в хорватско-русском обществе памяти Крижанича¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что хорватско-российские связи в общественно-политической сфере и в области культуры во второй половине XIX – начале XX вв. получили достаточно широкое освещение в отечественной литературе. Тем не менее, данной теме пока не посвящено ни одной специальной монографии, многие аспекты этих связей, такие, как, например, место России в идеологии Партии права, остаются слабо изученными. Взаимоотношения между хорватами и русскими в указанных областях требуют более глубокого и детального анализа.

* * *

Как и в отечественной литературе, в хорватских исследованиях тема взаимоотношений с Россией и русскими стала появляться уже в конце XIX в., в частности, в работах, посвященных выдающимся деятелям хорватского народа: Штроссмайеру, Рачки, Старчевичу, Кватернику, Радичу. В них упоминалось о тех или иных сторонах их деятельности, связанной с Россией. Уже Т. Смичиклас в книге, посвященной Ф. Рачки, писал о посещении ученым России в 1884 г. как об одном из наиболее важных событий в его жизни¹⁵. К. Шегвич в книге «Первое изгнание Ев-

¹² Ровнякова Л.И. Франьо Рачки и Россия. Из истории хорватско-русских культурных отношений последней трети XIX века // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 156–199.

¹³ Ровнякова Л.И. Русско-славянский книжный магазин в Петербурге (1887–1893) // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 82–105.

¹⁴ Фирсов Е.Ф. Югославяне К. Геруц и Л. Тума – создатели и меценаты славянских культурных обществ в прежней России // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 177–185; Он же. Словацко-русское общество памяти Людевита Штура в России и идея славянского единства // Славянский вопрос. Вехи истории. М., 1997. С. 162–165.

¹⁵ Smičiklas T. Život i djela Franjo Račkoga. Zagreb, 1895. S. 119.

гения Кватерника», основываясь на его дневниковых записях, подробнейшим образом исследовал деятельность Кватерника в России¹⁶.

Хорватский журналист и писатель М. Нехаев в своей книге «Раковица», также посвященной Е. Кватернику, достаточно подробно писал о его поездке в Россию, сделав вывод о его фиаско на русской службе как о следствии несовпадения его стремлений и целей официальной России¹⁷. А. Спилетак посвятил обширную статью роли православия в жизни Й.Ю. Штросмайера, в которой опубликовал текст его «Меморандума» русскому правительству, назвав его одним из наиболее важных произведений хорватского епископа¹⁸. Изучению контактов Рачки и Штросмайера с Россией уделил внимание хорватский историк В. Новак. Он, в частности, подробно исследовал историю отношения Ф. Рачки к России и детально описал его поездку по русским городам, отметив, что, несмотря на принадлежность к католическому клиру, ничто не могло поколебать его русофильства¹⁹. М. Пеич в статье, также посвященной поездке Ф. Рачки в Россию, особо подчеркивает его роль как автора путевых заметок²⁰.

Одним из первых исследователей хорватско-российских культурных и политических контактов, посвящавших этой теме большую часть своей деятельности, был А. Флакер, историк и теоретик литературы. Он занимался и изучением политических контактов хорватов и русских, чаще всего тоже в рамках изучения литературных связей. Так, его интересовало влияние русской литературы и революционных демократов на идеи Партии права в 80-е гг. XIX в.²¹ Обращался исследователь и к вопросу о месте России в

¹⁶ Šegvić K. Prvo progonstvo Eugena Kvaternika. Godine 1858–1860. Zagreb, 1907.

¹⁷ Nehajev M. Rakovica. O 60-godišnjici smrti Eugena Kvaternika. Zagreb, 1932. S. 82.

¹⁸ Spiletač A. Biskup J.J. Strossmayer i pravoslavlje // Bogoslovska smotra. Vol. 23. № 3. Zagreb, 1936. S. 288.

¹⁹ Novak B. Фрањо Рачки (1828–1899). Београд, 1958. С. 335.

²⁰ Peić M. Franjo Rački kao putopisac // Zbornik zavoda za povjesne znanosti istraživačkog centra Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Vol. 9. Zagreb, 1979. S. 270.

²¹ Флакер А. Хорватская литература и русская революционно-демократическая мысль // Международные связи русской литературы. М.–Л., 1963. С. 351–358; Он же. Pravaštvo i recepcija ruske književnosti u osamdesetim godinama // Ante Starčević i njegovo djelo: zbornik radova/ Znanstveni skup o

правашской внешнеполитической концепции²². А. Флакер пришел к выводу, что кажущееся противоречие между неприятием правашами славянской идеи и их симпатиями к России в 1880-х гг. объясняется поиском союзников в борьбе с Веной, верой в возможность политического освобождения с помощью России. Именно А. Флакер одним из первых назвал работу «Хорваты и борьба их с Австрией» «правашской брошюрой», вызывив сомнение в ее русском авторстве.

Наиболее полно и всесторонне историей хорватско-российских связей в XIX в. занимался советский и хорватский ученый И.Д. Очак, посвятивший этой странице российской и хорватской истории немало работ²³. Среди них – монография «Хорватско-российские связи. Вторая половина XIX – начало XX в.», в которой он осветил деятельность И. Кукульевича-Сакцинского, Й.Ю. Штроссмайера, Е. Кватерника, С. Радича и К. Геруца. И.Д. Очак справедливо отмечал, что хорватско-российские связи всегда находились в тени сербско-российских и черногорско-российских, а хорваты из-за своего католицизма и других признаков западной цивилизации были далеки и в какой-то степени чужды России. Но исследователь в то же время замечает, что, несмотря на это, хорватам было свойственно романтическое представление о России как о великой славянской державе, хотя связи между двумя народами в XIX в. носили индивидуальный характер²⁴.

Многие хорватские историки, занимавшиеся историей общественно-политического развития и модернизации хорватских земель в XIX в., интересовались ролью и местом России в идеологии Партии права. Так, Й. Хорват в исследовании, посвященном истории хорватской

100 obljetnici smrti Oca domovine, 18 i 19 travnja 1996. u Zagrebu. Zagreb, 1997. S. 155–161;

²² Флакер А. О правашком радикализме 80-х година XIX столjeća // Historijski zbornik. VII. Zagreb, 1954. S. 85–101; Он же. Pravaštvo i Rusija (mjesto Rusije u pravaškoj vanjsko-političkoj koncepciji) // Historijski zbornik. XI–XII. 1958–1959. S. 105–119.

²³ См., например: Очак И. Krunoslav Heruc, pobornik hrvatsko-ruskih veza potkraj XIX i na početku XX stoljeća // Historijski zbornik. XXXVII. Zagreb, 1984. S. 139–163; Он же. Stjepan Radić i Rusija // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta. Vol. 25. Zagreb. 1992. S. 103–122.

²⁴ Очак И. Hrvatsko-ruske veze. Druga polovica XIX i početak XX stoljeća. Zagreb, 1993. S. 255.

журналистики, упоминает о пророссийской ориентации Партии права в 1880-е гг. и отражении этого момента в правашской печати²⁵.

Более подробно об этом писала М. Гросс. В монографии «Истинное праваштво» исследовательница в отдельной главе проанализировала отношение А. Старчевича и других деятелей Партии права к России²⁶. Как и А. Флакер, она считает, что переход правашей к пророссийской ориентации был вызван не стратегическими, а тактическими соображениями²⁷, связанными как с надеждой на русскую помощь в борьбе с Австроией, так и с внешнеполитическими и военными успехами России в конце 1870-х гг. М. Гросс, как и А. Флакер, считала монографию «Хорваты и борьба их с Австроией» делом рук хорватов. Кроме того, она привела в монографии и имена конкретных авторов – К. Геруца и М. Дошена²⁸. О деятельности этих двух хорватов в России писал и С. Маткович в своей монографии о Чистой партии права, утверждая, что Геруц стремился разывать хорватско-российские отношения ради взаимной выгоды²⁹. Я. Туркаль, специалист по истории Партии права, в последнее время также уделяет в своих работах внимание теме пророссийской ориентации правашей. В работе «Правашское движение 1878–1887 гг.» она цитирует статьи А. Старчевича, посвященные России, утверждая, как и ее предшественники, что пророссийские симпатии лидера партии были его тактическим ходом. Тем не менее, исследовательница подчеркивает, что в некоторых вопросах Старчевич шел на компромисс и, высказываясь позитивно о России, резко отзывался о поляках, по отношению к которым он всегда был дружелюбно настроен³⁰. Взаимоотношения Соловьева и Штроссмайера, их деятельность по объединению церквей в последнее время также исследуются в хорватской историографии³¹.

²⁵ Horvat J. Povijest novinstva Hrvatske. Zagreb, 1962.

²⁶ Gross M. Izvorno pravaštvo – ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000.

²⁷ Gross M. Osnovni problemi pravaške politike 1878–1887 // Historijski zbornik. XV. Br. 1–4. 1962. S. 87–88.

²⁸ Ibid. S. 562.

²⁹ Matković St. Čista stranka prava 1895–1903. Zagreb, 2001. S. 321–322.

³⁰ Turkalj J. Pravaški pokret 1878–1887. Zagreb, 2009. S. 68.

³¹ См., например: Mihaljević N. Put i ostvarenja V.S. Solovjova // Obnovljeni život. № 59(3). Zagreb, 2004. S. 375–387; Karaula Željko. «Bjelovarska afera» 1888. – pozadina (jugo)slavenske ideje i ujedinjenje crkava // Povijest u nastavi. Br. 1(9). Zagreb, 2007. S. 15–25.

Таким образом, можно заключить, что хорватские историки уделили достаточно внимание исследованию отдельных сторон хорватско-российских связей, начиная от контактов в литературной сфере и заканчивая политическими вопросами. Но многие аспекты хорватско-российских отношений, например, освещение истории и культуры Хорватии в трудах русских ученых, еще недостаточно изучены в работах хорватских историков. В хорватской историографии, как и в российской, отсутствуют комплексные труды, в которых бы всесторонне освещались хорватско-российские контакты в общественно-политической и культурной сферах.

* * *

В трудах представителей славистических школ других стран хорватско-российские связи никогда не были объектом детального исследования. Хотя работы по истории Габсбургской монархии на английском, французском и других языках стали появляться уже во второй половине XIX в., о роли России в политическом и культурном развитии хорватов или о контактах хорватских политиков и общественных деятелей с русскими коллегами в них упоминалось изредка, в рамках отношения России к славянам Габсбургской монархии в целом.

Французский славист Л. Леже в своей «Истории Австро-Венгрии» (1889) пишет о влиянии России на положение австрийских славян (в том числе и хорватов) в контексте повествования об иллиризме, выступая против распространенных в Европе суждений об инспирировании Россией национальных движений среди зарубежных славян. Он утверждает, что славянские национальные движения были абсолютно самостоятельным явлением, хотя славяне и надеялись на Россию, которая, по утверждению историка, была далека от того, чтобы эти движения поддерживать³².

Один из родоначальников английской славистики, Р. Сетон-Уотсон, упоминал в своих работах о деятельности епископа Й.Ю. Штроссмайера, связанной с его усилиями по объединению церквей³³. Американский историк Р. Канн, исследовавший историю образо-

³² Leger L. A History of Austro-Hungary from the earliest time to the year 1889. London, 1889. P. 502–503.

³³ Seton-Watson R. The Southern Slav question and the Habsburg Monarchy. London, 1911; Seton-Watson R. German, Slav and Magyar. A study in the origins of the great war. London, 1916.

вания и распада Австро-Венгрии, также писал о влиянии России и «панславистской идеи» на австрийских славян. Он подчеркивал, что статус австрийских славян, которые пользовались культурной и отчасти политической автономией, был гораздо выше, чем у подданных Российской империи, и поэтому именно среди славянских народов Габсбургской монархии России, по мнению автора, было сложно распространять свое влияние³⁴.

Одной из немногих работ на английском языке, посвященных непосредственно хорватско-российским отношениям, является статья американского историка хорватского происхождения А. Кадича «Владимир Соловьев и епископ Штросмайер»³⁵. В своей работе автор подробно исследует историю взаимоотношений русского философа с хорватским епископом, стремившимся к объединению православной и католической церквей. Кадич приходит к выводу, что эта идея, не находившая поддержки ни в Петербурге, ни в Риме, была нереалистичной. Тем не менее, автор высоко оценивает контакты русского философа со Штросмайером, считая их доказательством того, что православные и католики могут не только дискутировать о своих различиях, но и находить что-то общее.

Сербские историки как в монархической и социалистической Югославии, так и в современной Сербии затрагивали тему хорватско-российских связей в XIX в. прежде всего в контексте изучения ими деятельности Штросмайера и Рачки. О русофильских убеждениях Штросмайера писал С. Йованович, утверждавший, что епископу Россия была близка как глубоко религиозная страна, «где шла борьба с еврейством и современным безверием, в которой властвовали старые христианские настроения, сохранившиеся со времен средневековья»³⁶.

Связи Штросмайера с Россией среди сербских историков подробнее всего изучал К. Милутинович, посвятивший «русофильству Штросмайера» отдельную главу в одной из своих монографий³⁷. Историк использовал материал, уже собранный и опубликованный В.И. Фрейдзоном, в частно-

³⁴ Kann R. The Habsburg Empire. A study in integration and disintegration. N.Y., 1957. P. 56–57.

³⁵ Kadić A. Vladimir Soloviev and bishop Strossmayer // The American Slavic and East European Review. Vol. XX. April 1961. № 2. P. 163–188.

³⁶ Јовановић С. Штросмајерова спољашња политика // Из наше историје и књижевности. Београд, 1931. С. 102.

³⁷ Milutinović K. Štrosmajer i jugoslovensko pitanje. Novi Sad, 1976.

сти, письма русских дипломатов, встречавшихся с хорватским епископом, а также переписку самого Штроссмайера и материалы периодической печати Австро-Венгрии. Милутинович излагает различные версии конфликта епископа с Францем Иосифом I (т. н. «беловарского инцидента»), предположив, что официальная Россия могла защищать Штроссмайера от нападок австрийских властей, дипломатическим путем воздействуя на Вену.

О политической деятельности Штроссмайера пишет исследователь сербско-хорватских отношений В. Крестич. Он утверждает, что главной целью епископа было укрепление позиций династий Габсбургов и Австро-Венгерской монархии в целом, что, по его мнению, могло способствовать расширению влияния Хорватии на Балканах в ущерб православной России³⁸. Крестич особо отмечает, что у русских дипломатов, к которым Штроссмайер обращался со своими идеями, не вызывала доверия инициатива епископа, которого они считали «австрийским агентом-правовиком»³⁹.

О хорватско-российских связях упоминается и в болгарской историографии. Р. Божилова, исследовавшая хорватское национально-освободительное движение XIX в., упоминает о политике Партии права в отношении России в 70–80-х гг. XIX в. Она отметила, что разочарование сторонников партии в способности России помочь Хорватии способствовало дальнейшей эволюции правашской идеологии в сторону признания возможности создания Великой Хорватии в рамках Австро-Венгрии⁴⁰. О деятельности Геруца писал и С. Елдыров, осветивший в нескольких работах его деятельность в Болгарии и отчасти в Хорватии и России⁴¹. Елдыров определяет жизненную цель Геруца как поиск и служение славянской культурной общности.

³⁸ Крестић В. Бискуп Штросмајер у светлу нових извора. Нови Сад, 2002. С. 81.

³⁹ Крестић В. Бискуп Штросмајер: Хрват, Великохрват или Југословен? Јагодина, 2006. С. 38.

⁴⁰ Божилова Р. Хърватското национално-освободително движение през погледа на българите 1878–1914. София, 1988. С. 52–53.

⁴¹ Елдъров С. Хърватски доброволци в българската армия по време на сърбско-българската война през 1885 г. // Военноисторически сборник. №3 . София, 2005. С. 12–16; *Он же*. Нашият специален дописник съобщава... Хърватският кореспондент и доброволец Крунослав Геруц за България и българите. София, 2005; *Он же*. Крунослав Геруц (1859–1929) – «посредник» между двумя славянскими культурами // Славянский альманах 2008. М., 2009. С. 81–96.

Итак, можно заключить, что тема хорватско-российских отношений, за исключением хорватской и советской (российской) литературы, нашла определенное освещение только в сербской и отчасти болгарской историографии. В исследованиях западноевропейских и американских ученых о связях этих двух народов и стран лишь упоминается, почти нет и специальных работ, посвященных этой тематике.

Источниковая база исследования

Источниками для написания диссертации послужили как опубликованные, так и неопубликованные архивные документы на русском, хорватском и сербском языках. Это материалы переписки и путевые заметки российских и хорватских ученых, дипломатов и общественных деятелей, научные работы, посвященные истории и культуре Хорватии, мемуары, публицистические произведения, материалы периодической печати.

В работе были использованы неопубликованные документы из следующих архивов: Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ), Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Рукописного отделения Института русской литературы Российской академии наук (далее – РО ИРЛИ РАН), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН).

Особую ценность для исследования хорватско-российских отношений представляет фонд М.Ф. Раевского (№ 347) ОПИ ГИМ. В нем удалось обнаружить письма хорватского политического деятеля, участника иллирийского движения и государственного чиновника О. Утешеновича-Острожинского и письма историка, этнографа и вице-консула России в Риеке в 1862–1869 гг. Л.В. Березина, еще не введенные в научный оборот.

Несколько важных документов было найдено в АВПРИ, в фонде «Славянский стол» (№ 146). Это, в частности, письмо Л.В. Березина заместителю министра иностранных дел России Н.К. Гирсу, в котором дипломат выражал свою просьбу содействовать распространению его главного труда «Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница». Еще одним ценным источником, обнаруженному в фонде № 146, является ходатайство хорватского политического деятеля, предпринимателя и публициста К. Геруца в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России о выдаче ему пособия для организации книготорговли в

Санкт-Петербурге. В том же фонде хранится и адресованное в департамент письмо из Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, в которое Геруц также обращался с просьбой о денежной помощи.

Большое исследовательское значение представляет фонд В.И. Ламанского (№ 35) СПФ АРАН. В нем хранятся письма хорватского и русского ученого В. Ягича к Ламанскому, в том числе не опубликованные до настоящего времени, и ответы русского слависта Ягичу. Значительная часть эпистолярного наследия И.В. Ягича находится в фонде А.Ф. Бычкова (№ 120) ОР РНБ. В диссертации были использованы документы и из других фондов архива – А.А. Майкова (№ 452), И.В. Помяловского (№ 608), А.Н. Пыпина (№ 621), М.Ф. Раевского (№ 627). В фонде П.А. Кулаковского (№ 572) РО ИРЛИ РАН удалось обнаружить рукопись его лекций по истории сербского и хорватского национального возрождения.

В диссертации широко использованы материалы документальных публикаций. Среди них следует отметить двухтомник «Зарубежные славяне и Россия» и «Југословени и Русија», изданный в 1975 и 1989 гг.⁴², в котором опубликованы письма корреспондентов М.Ф. Раевского из славянских земель, в том числе и хорватов. Несомненный интерес представляет и переписка идеологов югославистского движения в Хорватии Й.Ю. Штроссмайера и Ф. Рачки⁴³. Сборник документов «Хорватские свидетельства о России»⁴⁴, изданный в 1945 г., является уникальной и единственной в своем роде документальной публикацией, посвященной хорватско-российским культурным и политическим связям⁴⁵. При работе над диссертацией использовались сборники документов: «Письма И.В. Ягича к русским ученым (1865–1886)»⁴⁶, «Корреспонденция Ватрослава Ягича»⁴⁷, «Корреспонденция Степана Радича»⁴⁸.

⁴² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М., 1975; Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Раевског. 40–80 година XIX века. Београд, 1989.

⁴³ Korespondencija Rački – Strossmayer. Knj. I–IV. Zagreb, 1928–1931.

⁴⁴ Hrvatska svjedočanstva o Rusiji. Zagreb, 1945.

⁴⁵ В 1999 г. в сборнике «Хорватия-Россия: культурно-исторические связи» (Hrvatska-Rusija: kulturno- povjesne veze. Zagreb, 1999) были опубликованы многие тексты из книги «Hrvatska svjedočanstva o Rusiji» в русском переводе.

⁴⁶ Письма И.В. Ягича к русским ученым (1865–1886). М.–Л., 1963.

⁴⁷ Korespondencija Vatroslava Jagića. Knj. 2. Zagreb, 1970.

⁴⁸ Korespondencija Stjepana Radića (1885–1918). Knj. I. Zagreb, 1972.

Среди опубликованных источников следует назвать путевые заметки как хорватского, так и русского происхождения. Это, прежде всего, дневник ученого и публициста Ф.В. Чижова, в котором содержится одно из первых подробных описаний хорватских земель в отечественной литературе⁴⁹, записи отечественных славистов И.И. Срезневского, В.И. Григоровича и других русских ученых, побывавших в хорватских землях⁵⁰. Уровень хорватско-российских отношений во второй половине столетия отражен в «Путевых воспоминаниях о России» Ф. Рачки, посетившего Россию в 1884 г. и оставившего впечатления о самых разных сторонах русской жизни⁵¹.

В работе использовалась и официальная документация, в частности, отчеты русских славистов (к примеру, В.И. Григоровича) об их поездках в Хорватию по заданию Министерства народного просвещения⁵².

Важными источниками по истории хорватско-российских связей являются дневниковые записи и мемуары. Среди них следует отметить опубликованные в 1907 г. К. Шегвичем записи Е. Кватерника, в которых он описывает свои впечатления от пребывания в России и нахождения на русской службе. В биографических произведениях В. Ягича⁵³ содержатся суждения хорватского филолога о состоянии русской славистики во второй половине XIX в., о представителях российской научной и политической элиты, о его частной жизни в России.

Одним из важнейших источников по исследованию хорватско-российских отношений являются работы отечественных славистов об истории, культуре и политическом положении хорватских земель. Среди наиболее важных работ следует назвать труд К.Я. Грота, посвященный ранней хорватской истории⁵⁴, исследования В.В. Макушева, посвященные

⁴⁹ Козьменко И.В. Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» 1855 г. // Славянский архив. М., 1958. С. 127–260.

⁵⁰ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895.

⁵¹ Rački F. Putne uspomene o Rusiji // Hrvatski putopisci XIX. i XX. stoljeća. Zagreb, 1955. S. 138–153.

⁵² Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915.

⁵³ Jagić B. Spomini mojega живота. II deo (1880–1923). Београд, 1934.

⁵⁴ Грот К.Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове. СПб., 1880.

истории Дубровника и российско-дубровницким связям⁵⁵, работы И.Н. Смирнова⁵⁶, Л.В. Березина⁵⁷. Кроме того, в диссертации использованы монографии и статьи отечественных славистов, которые затрагивали хорватскую тему в работах, напрямую не связанных с исследованием Хорватии. Некоторые из этих источников, например, работы В.В. Макушева или Л.В. Березина, могут рассматриваться и как историографические работы по истории хорватско-российских отношений.

Среди публицистических работ, использовавшихся при написании диссертации, следует назвать прежде всего сборник статей лидера Партии права А. Старчевича «Отношения к России»⁵⁸. О попытках пропаганды хорватской национальной идеи в России под вывеской «славянской взаимности» свидетельствуют публицистические произведения К. Геруца, опубликованные им на русском языке⁵⁹. Одно из центральных мест среди использованных источников публицистического характера занимает работа «Хорваты и борьба их с Австроией», изданная под именем русского ученого М.М. Филиппова⁶⁰.

Для раскрытия темы диссертации привлекались и материалы периодической печати. Прежде всего, это дореволюционные литературные и политические журналы, в основном славянофильского и охранительного направлений. Одним из наиболее значимых для написания настоящей работы периодических изданий является «Журнал министерства народного просвещения»⁶¹, а также журналы «Москвитянин», «Современ-

⁵⁵ Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. М., 1865; *Он же*. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. Приложение к XI тому записок императорской академии наук. М., 1865.

⁵⁶ Смирнов И.Н. Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской короне. Казань, 1879.

⁵⁷ Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. Т. 1–2. СПб., 1879.

⁵⁸ Starčević A. Ruski odnošaji. Varaždin, 1995.

⁵⁹ Геруц К.Ю. Две беседы о «Русском зерне» – общество для содействия подъему народного хозяйства. Пг., 1909; *Он же*. О Думской библиотеке. Несколько слов о задачах и об устройстве библиотеки Государственной Думы. Пг., 1909. *Он же*. Всеславянство и Хорватия. Пг., 1914.

⁶⁰ Филиппов М.М. Хорваты и борьба их с Австроией. Пг., 1890.

⁶¹ Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1834–1917.

ник»⁶², «Русская беседа»⁶³ и некоторые другие. Использовались при работе над диссертацией и отдельные публикации в газетах⁶⁴. Также были рассмотрены отдельные хорватские, сербские и словенские периодические издания, в которых публиковались работы В. Ягича, К. Геруца и С. Радича⁶⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что по истории хорватско-российских отношений в XIX – начале XX вв. имеется достаточное количество разнотиповых источников, как опубликованных, так и неопубликованных, на русском, хорватском и сербском языках. С их помощью возможно провести всесторонний анализ общественно-политических и культурных связей между хорватами и русскими в указанный период. Особенностью источников базы данной работы является большое количество опубликованных источников, которые до настоящего времени не были глубоко и всесторонне использованы и проанализированы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации обусловлена поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

Во введении обосновываются постановка проблемы, актуальность темы, хронологические рамки работы. Представлены обзоры литературы и источников базы исследования, сформулирована научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «**«Распространение знаний о хорватских землях в России до середины XIX в.»** посвящена истории формирования представлений о Хорватии в России и первым хорватско-российским научным контактам в первой половине XIX в. В первом параграфе рассказывается о путешествиях отечественных славистов по хорватским землям, второй – хорватским сюжетам в русских периодических изданиях. Эта глава имеет вводный характер и написана с целью осветить процесс распространения знаний о хорватах в русском обществе на начальном этапе становления хорватско-российских связей.

⁶² Москвитянин. М., 1841–1856; Современник. СПб., 1836–1866.

⁶³ Русская беседа. М., 1856–1860.

⁶⁴ Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1728–1917; Рассвет. СПб., 1905.

⁶⁵ Српски књижевни гласник. Београд, 1901–1941; Novosti. Zagreb, 1907–1941; Slovanski spomini in jubileji. Ljubljana, 1911.

В первой половине XIX в. в России зарождалось славяноведение как комплекс научных дисциплин, при российских университетах создавались кафедры истории и литературы славянских наречий. Русские учёные и общественные деятели (И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, Ф.В. Чижов) посещали хорватские земли как по заданию Министерства народного просвещения, так и с исследовательскими целями, для работы в архивах и библиотеках. Впечатления от поездок, во время которых они собирали материал для научной деятельности, устанавливали первые контакты со своими хорватскими коллегами, нашли отражение в их путевых заметках и переписке.

Во втором параграфе речь идет о публиковавшихся в русских периодических изданиях материалах о культурных и политических событиях в хорватских землях, прежде всего о деятелях иллирийского движения. Начиная с 1830-х гг. в отечественной печати появлялись статьи и заметки о культурной и политической жизни Хорватии. Хотя как в путевых заметках славистов, так и в отдельных журнальных статьях и заметках, встречались критические замечания, в частности, в адрес Л. Гая, общий тон публикаций и дневниковых записей учёных, писавших о Хорватии, можно назвать благожелательным. Тем не менее, в первой половине XIX в. интерес к Хорватии в России еще оставался уделом немногих представителей образованного общества.

Вторая глава «Отечественная кроатистика во второй половине XIX – начале XX вв.» посвящена отечественным исследованиям по истории и культуре Хорватии, а также контактам представителей российских и хорватских образованных кругов.

В первом параграфе рассматриваются труды отечественных славистов, посвященные Хорватии. Для анализа выбраны работы представителей наиболее крупных славистических школ России: петербургской, московской, казанской и варшавской.

Среди петербургских учёных, затрагивавших в своих работах хорватскую тему, о хорватах писали В.И. Ламанский и А.Н. Пыпин. Ламанский критически отзывался о хорватах, как и обо всех австрийских славянах-католиках в целом, считая их «служебным элементом немецкой народности». Исследователь был невысокого мнения как о дубровницкой литературе, которую он считал «подражательной», так и о хорватском государственном праве. А.Н. Пыпин, исследовавший историю славянских литератур, был настроен по отношению к хорватам менее критически. В отличие от Ламанского, Пыпин с уважением отзывался о литературе далматинского Возрождения и истории Дубровника. Тем не менее,

ученый считал хорватский язык частью сербского, называл Далмацию «сербо-хорватским Приморьем» и осуждал «панхорватство» в лице лидера Партии права А. Старчевича.

Представитель московской славистической школы Н.А. Попов в своих работах высоко оценивал литературную деятельность Л. Гая и его усилия по созданию хорватского литературного языка. Другой исследователь, принадлежавший к московской школе, А.А. Майков, изучал историю Дубровника. Он писал о сербах и хорватах как об одном народе («сербохорватах»), а жителей Дубровника называл просто «дубровничанами», не используя по отношению к ним какого-либо этнонима.

Среди отечественных исследователей хорватской истории особое место занимает И.Н. Смирнов, представитель казанской славистической школы. Он является автором первого в отечественной славистике исследования, посвященного средневековой хорватской истории с древнейших времен до унии с Венгрией в 1102 г., под названием «Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской короне» (1879 г.). Исследователь утверждал, что хорваты, подчинившись Риму, вступили на «неправильный» путь исторического развития. И.Н. Смирнов считал, что независимое хорватское государство в течение пяти веков не развивалось, хорваты не ощущали себя жителями единой страны, и поэтому в начале XII в. Хорватия подчинилась Венгрии.

Едва ли не наибольший вклад в развитие отечественной краеведики второй половины XIX в. внесли представители варшавской школы славяноведения. Особо следует подчеркнуть вклад К.Я. Грота, автора первого в отечественной историографии труда, посвященного трактату «Об управлении империей» византийского императора Константина Багрянородного, основного источника по ранней истории сербов и хорватов. Ученый подчеркивал, что выгодное географическое положение Далмации, ставшей колыбелью хорватской государственности, способствовало тому, что «историческая жизнь» хорватов могла развернуться «быстрее и самостоятельнее», чем у сербов. Грот негативно относился к включению хорватских земель в состав Венгерского королевства и подчеркивал ту историческую роль, которую хорваты играли в борьбе против турок в XVII–XVIII вв.

Другой варшавский исследователь, В.В. Макушев, изучал историю отношений Дубровника и России. Ученый приводит примеры из разных областей этих взаимоотношений, но красной нитью сквозь все повествование проходит его неприязнь к католицизму, негативно влияющая на позицию автора, благодаря чему создается впечатление, что

Дубровницкая республика была чуть ли не враждебно настроенным по отношению к России государством, в котором притеснялось православие. Деятельность дубровчан на русской службе описана гораздо менее подробно, чем межгосударственные конфликты. Интересовался ученый также культурным развитием Хорватии и политической борьбой в хорватских землях XIX в.

Существенный вклад в развитие отечественной крастики внес П.А. Кулаковский, историк и филолог, автор фундаментального труда «Иллиризм: исследование по истории хорватского национального возрождения» (1894), также принадлежавший к варшавской школе. Исследователь собирали материалы по иллиризму в Загребе и Любляне, находился в контакте с Ф. Рачки, который, по словам автора монографии, давал ему полезные указания. Несмотря на то, что в отечественном славяноведении иллиризму уделялось достаточно внимания, к примеру, в трудах, посвященных истории славянских литератур, но именно монография Кулаковского явилась первым обширным и обстоятельным исследованием истории хорватского национального возрождения. В целом, ученый склонен оценивать иллиризм как «одну из самых плодотворных литературных и политических теорий» в славянском мире вообще.

Во втором параграфе исследуется посредническая роль священника русской посольской православной церкви в Вене М.Ф. Раевского в развитии хорватско-российских связей.

Русский священник успешно осуществлял посреднические функции в области установления связей между представителями образованных кругов Хорватии и России. Среди его корреспондентов были представители хорватской науки и политики самого разного масштаба – от И. Кукульевича-Сакцинского, признанного общественного, научного, политического деятеля, до более скромных представителей хорватского социума, таких, как композитор и дирижер И. Зайц или книготорговец С. Галац. Именно благодаря протоиерью Раевскому хорваты получали интересующие их издания из России и пересыпали хорватские научные труды своим российским коллегам. Помимо вопросов книгообмена, сотрудничества в литературной области вообще и новостей политического состояния Хорватии, в письмах хорватских корреспондентов Раевского содержались и традиционные просьбы об оказании протекции выходцам из Хорватии, пожелавшим учиться или работать в России.

Что касается русских корреспондентов Раевского, то среди них были уже известные ученые-слависты (А.Ф. Гильфердинг, М.П. Погодин), чьим успехам в их хорватских исследованиях, а также в установле-

ний личных контактов с хорватскими коллегами способствовала именно посредническая деятельность священника. Особый интерес представляют письма, отправленные Раевскому русскими дипломатами, которые, в отличие от ученых, подолгу проживали в хорватских землях и могли непосредственно следить за событиями в хорватской общественной, культурной и политической жизни. Впрочем, как показывают документы, далеко не все дипломаты, даже проживавшие в Риеке или в Дубровнике, активно интересовались этими событиями, во всяком случае, далеко не всегда их письма были достаточно информативными. Сам М.Ф. Раевский также активно интересовался событиями, происходившими в Хорватии. Его, в частности, волновала борьба между мадьяронами и антивенгерски настроенной хорватской интеллигенцией.

В третьем параграфе анализируется деятельность дипломата, историка, публициста и этнографа Л.В. Березина, внесшего немалый вклад в развитие отечественной кроатистики. В 1862–1869 гг. он в качестве вице-консула и консула работал в Риеке, где имел возможность узнать Хорватию и хорватов с разных сторон, не только как дипломат, но и как историк и этнограф. В его письмах отражены как политические события в хорватских землях, так и культурная жизнь Риеки. Он сам принимал в ней активное участие: передавал в хорватскую читальню русские книги, пытался помочь хорватам подготовить материалы для участия в московской Этнографической выставке 1867 г. Березин способствовал распространению не только русской культуры в Хорватии, но и хорватской в России.

Проведенное в Хорватии десятилетие во многом определило и дальнейшую деятельность Березина именно как автора исторических, публицистических и этнографических трудов. Многие из его статей были посвящены историческим, политическим, культурным, этнографическим сторонам жизни хорватских земель. Главной работой Березина стал вышедший в 1879 г. двухтомный труд «Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница». В предисловии автор утверждал, что жизнь хорвата не может не интересовать русских, по следующим причинам: во-первых, из-за того, что благодаря западным ученым хорваты стали восприниматься в Европе так же, как турки в России, во-вторых, потому, что между хорватским и русским крестьянином, их повседневной и праздничной жизнью, существует много общего, а в-третьих, потому, что, по мнению Березина, у хорватско-сербского языка гораздо больше сходства с русским, чем у других славянских языков. Что касается самой работы, то в ней, помимо предисловия, нет ни авторской точки зрения, ни анализа излагаемых фак-

тов. Все сведения и статистические данные, приведенные в книге, уже были опубликованы хорватскими, австрийскими, итальянскими авторами. Главная же заслуга Березина заключается в том, что он перевел, скомпилировал и объединил под одной обложкой все эти сведения, добавив к ним свои ранние статьи о Хорватии.

В третьей главе «Хорватские общественно-политические деятели и Россия» рассмотрена деятельность представителей хорватского образованного общества: политиков, священнослужителей, ученых, публицистов, направленная на установление связей с Россией.

В первом параграфе анализируются попытки лидеров югославистского движения, епископа Й.Ю. Штроссмайера и историка Ф. Рачки, наладить отношения с представителями русского общества. Штроссмайер встречался с русскими дипломатами, консулом в Белграде Н.П. Шишкным и послом в Вене Е.П. Новиковым, пытаясь заручиться поддержкой официальной России. Епископ, в обмен на материальную помошь, обещал не только исполнять роль «орудия России» и собирать для русского правительства необходимую информацию, но и вести пропаганду на Военной границе, которая могла бы в случае войны России с Австро-Венгрией стать центром сопротивления в тылу Австрии. Но никакой поддержки от официального Петербурга Й.Ю. Штроссмайер в итоге не получил: Россия была ослаблена после Крымской войны, а, кроме того, русские дипломаты не доверяли Штроссмайеру, имевшему репутацию австрослависта.

Несмотря на это, епископ не оставлял попыток добиться понимания в России. В своем «Меморандуме», адресованном русскому правительству, он пытался убедить официальных представителей России в необходимости унии с Ватиканом, использовав в качестве своеобразного предлога решение сложных для России вопросов – польского и «восточного», которое, по его логике, чуть ли не напрямую зависит от этой унии. В то же время он исподволь продвигал и австрославистские идеи, в частности, идею союза Австро-Венгрии с Россией, превозносил «пресветлую династию» Габсбургов, пытался выдать «венгерскую проблему» за одну из главных проблем России и, приведя все доводы в пользу заключения унии, довольно ловко уходил от «частных вопросов», например, об условиях заключения такой унии. «Меморандум» Штроссмайера – это документ скорее риторического характера, нежели конкретное предложение по объединению церквей.

Тем не менее, Й.Ю. Штроссмайеру удалось найти понимание в России, у русского философа В.С. Соловьева, поддерживавшего идею

объединения католической и православной церквей. Соловьев лично встречался с епископом, который способствовал изданию его работ в Хорватии. Несмотря на то, что Соловьев с его прокатолическими симпатиями воспринимался Штроссмайером и Рачки скорее как единомышленник, а не представитель православного мира, с которым и следовало бы вести диалог, контакты хорватского епископа и русского философа доказывают, что хорвато-российские контакты могли осуществляться и на конфессиональной почве, которая, казалось бы, могла только разъединять русских и хорватов.

Хотя Штроссмайер прилагал немало усилий по налаживанию хорватско-российских связей, он так и не побывал в России. Ее в 1884 г. посетил Ф. Рачки, которому удалось осмотреть Одессу, Киев, Москву и Петербург. Это путешествие оставило у Рачки сильное впечатление. Он писал Штроссмайеру, что «Россию стоит увидеть», а все его «фантазии» о России не идут ни в какое сравнение с реальностью.

Во втором параграфе анализируется место России в идеологии Партии права и ее лидеров, Е. Кватерника и А. Старчевича. Они пытались заручиться поддержкой великих держав в борьбе за политическую и экономическую самостоятельность Хорватии, а в качестве потенциально-го союзника рассматривали в том числе и Россию. После окончания Крымской войны Кватерник отправился именно в Петербург. Ему достаточно быстро удалось обзавестись знакомствами в русском обществе, с помощью которых он рассчитывал устроиться на русскую службу. Свои планы он излагал в многочисленных записках, которые распространял среди русских знакомых. Он, как и Штроссмайер, утверждал, что способен организовать восстание на Военной границе, которое бы могло распространиться на все хорватские земли в Австро-Венгрии и Османской империи. Кватерник призывал русских дипломатов рассматривать хорватов как равных себе союзников в борьбе с Габсбургами, способствовать изданию газет в Хорватии и развитию хорватской экономики. В конце концов ему удалось принять подданство России, устроиться на службу в одну из русских коммерческих организаций и некоторое время проработать в Пеште в качестве ее представителя. Но в итоге Кватерник, не добившись полной поддержки своих идей в русском обществе, прервал все контакты с Россией, которая интересовала его только как источник материальной поддержки.

Несмотря на не слишком удачный опыт Кватерника, Россия не исчезла из поля зрения лидеров Партии права. А. Старчевич посвятил России ряд статей, в которых анализировал ее внутреннюю и внешнюю

политику. До конца 1870-х гг. он осуждал «деспотический» режим в России, который, по его мнению, установил еще Петр Великий, и критиковал внешнюю политику России, точнее, ее помощь сербам в их борьбе за независимость. Старчевич утверждал, что только хорваты и болгары являются подлинными союзниками России в регионе, поскольку только с их помощью возможно организовать торговлю на Дунае, Средиземноморье и Адриатике. Лидер Партии права считал, что важность представляют лишь экономические интересы, связывающие Россию с этими двумя народами.

В конце 1870-х гг. тон Старчевича в отношении России меняется. Он положительно высказывается о помощи России балканским странам в их борьбе против османского ига и даже ставит ей в заслугу создание независимого сербского государства. Более того, он осуждает западноевропейские страны за их дипломатическое противостояние с Россией, которую он называет свободной, прогрессивной и сильной державой.

Такой поворот в отношении к России был вызван тактическими соображениями. После победы России в войне с Османской империей расстановка сил в Европе изменилась, а действия русской армии вызывали воодушевление, в том числе и среди хорватов. И правашские политики, желавшие в сложившейся обстановке добиться повышения своей популярности, подхватили эту тенденцию. Кроме того, одобрение у правашских лидеров вызывали и либеральные реформы Александра II. Но, несмотря на все эти обстоятельства, Старчевич даже в конце 1870-х гг. продолжал критиковать «диктатуру» в России и выражал поддержку русским нигилистам, хотя осуждал их политику террора. А к началу 1890-х гг. лидер Партии права возвращается к своим прежним взглядам, которым свойственна жесткая критика российской политики, как внешней, так и внутренней.

В третьем параграфе уделяется внимание деятельности хорватского филолога В. Ягича и его связям с Россией. Еще до поездки в Россию он установил контакт с коллегами из России, был отмечен почетными званиями Академии наук и Петербургского университета. В 1872–1874 гг. Ягич отправился в Одессу, в Новороссийский университет, где был утвержден в звании ординарного профессора. Пребывание в Одессе оставило у Ягича скорее неблагоприятные впечатления. Его не устраивало отсутствие необходимых условий для работы (в частности, нехватка литературы), а также дополнительная нагрузка, которую ему пришлось взять на себя ввиду ограниченного числа преподавателей. Не нравился ученому и сам город, где, как он считал, уделяется недостаточное внимания

ние науке. И в 1874 г. Ягич переехал в Берлин, где у него было больше возможностей для научной деятельности. Однако в письмах русским корреспондентам он высказывал желание вернуться в Россию, жаловался на отсутствие у него студентов и на то, что он «не особенно доволен в Берлине». И в 1880 г. он принял предложение Петербургского университета занять кафедру истории и литературы славянских наречий.

В Петербурге Ягич прожил шесть лет. Но и там он не был всем доволен. Ученый подвергал критике деятельность как историко-филологического факультета Петербургского университета, так и Бестужевских курсов, где он также преподавал. В первом случае его не устраивало засилье «славянофильских концепций» в студенческой и преподавательской среде, а во втором – низкий уровень подготовки аудитории. В своих воспоминаниях Ягич особо подчеркивал, что ему удалось поставить славистику в России «на чисто научное основание», явно преувеличивая свои заслуги. В Петербурге у Ягича были друзья среди русских славистов (А.Н. Веселовский, В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин), некоторые из них являлись его единомышленниками, но ученый чувствовал себя некомфортно и в Петербурге. Прежде всего это касалось материального обеспечения. Ягич не получал регулярного жалования, должен был сам платить за квартиру, а российская Академия наук не выделяла ему никаких средств на издание филологического журнала, продолжавшего выходить в Берлине. Кроме того, ученого раздражали распространенные в России представления о зарубежных славянах как о людях, искавших в России только материальной поддержки, хотя для самого Ягича материальный вопрос был одним из первостепенных. Свою роль в отъезде Ягича из Петербурга сыграли и личные обстоятельства (его жена не желала жить в Петербурге). В 1886 г., разочаровавшись в Петербурге, он принимает предложение Венского университета. Тем не менее, Ягич и после переезда в Вену, продолжал поддерживать контакты со своими коллегами из России, которым жаловался как на отсутствие к нему внимания со стороны российской Академии наук, так и на «круглое невежество» и «надменное презрение» со стороны немцев, которое он на себе испытывал.

В четвертом параграфе рассматривается деятельность лидера Хорватской народной крестьянской партии С. Радича, направленная на сближение с Россией. Интерес к русскому языку и культуре обнаружился у Радича еще в юности. В 1888 г. он отправился в свое первое путешествие в Россию, итогом которого стали его личные знакомства с представителями русского общества, а также практика в русском языке. Во время второй поездки, в 1896 г., он пытался поступить в какой-либо из россий-

ских университетов. Но, несмотря на полученное разрешение, Радич отказался от идеи учиться в России, поскольку это потребовало бы от него больших денежных и временных затрат.

С. Радич посвятил России немало работ. Он способствовал как распространению русского языка и культуры в Хорватии, так и знаний о Хорватии в России. Так, в 1905 г. он издал брошюру под названием «Как мы сможем выучить русский?», в которой развенчивал стереотипы о русском языке, которые многие хорваты даже сравнивали с турецким. Радич обвинял в сложившейся ситуации систему образования в Австро-Венгрии, не предусматривавшую обучения славянским языкам в школах в достаточном объеме. Радич посвятил статью отмечавшемуся в 1909 г. юбилею Н.В. Гоголя, в творчестве которого он увидел обличение пороков не только русского, но и хорватского общества. Он написал ряд статей для «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», в которых пропагандировал идею общего «славянского национализма». В существовании такого национализма автора убеждало сходство национальных историй славянских народов и их жизненного уклада. Целью Радича было также привлечение внимания русской публики к Хорватии, которой, как он считал, в отличие от православных славян, в России уделяется недостаточно внимания.

Хорватскому политику представилась возможность ознакомить русскую публику со своими идеями в 1909 г., когда он получил приглашение вновь приехать в Россию и прочитать несколько лекций, посвященных южным славянам. Радич хотел не только поведать русской публике об истории хорватского национального возрождения, но и развеять бытовавший в России миф о хорватах как об «австрийских слугах и рабах». Именно с таким представлением о хорватах, как об «австрийских слугах» и врагах сербов Радичу пришлось столкнуться в Петербурге. Многие его новые знакомые, в том числе ученые-слависты, лично выражали Радичу свою неприязнь. Однако это не повлияло на отношение хорватского политика к России, к которой он всегда относился с искренним интересом и симпатией.

В пятом параграфе исследуется деятельности хорватского публициста, предпринимателя и общественного деятеля К. Геруца. Геруц еще в студенческие годы проявил себя как активист Партии права, работавшей за объединение хорватских земель и создание свободного хорватского государства. За распространение антиавстрийской литературы в рядах домобрана (хорватской территориальной армии) он был вынужден эмигрировать в Болгарию. Впоследствии К. Геруц принимал участие в

сербско-болгарской войне 1885 г. и в военном перевороте, направленном против князя Александра I Баттенбергского. После того, как начались преследования участников «путча», К. Геруц был выслан за пределы Болгарского княжества, и в начале 1887 г. через Одессу и Москву добрался до Санкт-Петербурга. Здесь ему удалось устроиться на работу в редакцию «Славянских известий», издания Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Через К. Геруца проходила вся информация о сербах, словенцах и хорватах, печатавшаяся в журнале, а, кроме того, он редактировал отдел библиографии. В 1889 г. Геруц вместе со своим компаньоном, активистом Партии права М. Дошеном, открывает в Петербурге «Русско-славянский книжный склад», с помощью которого он хотел содействовать распространению как русской литературы среди зарубежных славян, так и произведений славянских литератур в России. Но через три года, в связи с долговыми обязательствами, Геруц был вынужден отказаться от своего предприятия, и в 1893 г. его книжный склад перешел в руки издателя Ф.Н. Берга, редактора и издателя «Русского Вестника» и фактически прекратил существование.

Распространению своих идей и взглядов в России Геруц уделял, по крайней мере, не меньше внимания, чем собственно книготорговле. В качестве трибуны он использовал «Славянские известия». В этом изда-
ни регулярно появлялись сообщения о Партии права и ее лидере А. Старчевиче, в которых его деятельность оценивалась в позитивных тонах. В статье «Червонная Хорватия» Геруц выступил с осуждением сербов за их стремление к расширению сферы своего влияния и призывал их поддерживать идею хорватского государственного права. В 1905 г. он опубликовал ряд статей, в которых критиковал внутреннюю и внешнюю политику России, при этом утверждая, что только славянские народы могут помочь России в борьбе с западным миром. Но и Россия, по мнению Геруца, должна активно помогать славянам в их борьбе с германизацией, в противном случае она сама будет способствовать онемечиванию славян. В данном разделе диссертации рассмотрен также вопрос об участии Геруца в налаживании славянско-российских связей, в частности, в области сельского хозяйства. В 1908 г. он стал заместителем секретаря общества «Русское зерно». С его помощью организовывались поездки русских крестьян в Хорватию для обучения более совершенным способам ведения сельского хозяйства. В своей брошюре «Две беседы о “Русском зерне” – обществе для содействия подъему народного хозяйства» он обосновывает необходимость отправки сельской молодежи из России на выучку в славянские земли тем, что чехи, хорваты и словенцы, по его

мнению, самые близкие для русских народы, готовые бескорыстно помочь русским крестьянам. Кроме того, К. Геруц работал в библиотеке Государственной Думы России, где пытался организовать особый Славянский отдел. Но эта идея не была воплощена в жизнь.

В 1914 г., сразу после начала Первой мировой войны, Геруц публикует брошюру «Всеславянство и Хорватия», в которой высказывается за объединение всех славянских народов во главе с Россией. В то же время он особо подчеркивает, что именно хорваты всегда выступали с объединительными идеями, в отличие от сербов, которые выдвигали «узко-районные», «местные» идеалы. Он резко выступает против включения хорватских земель в состав сербского государства и предлагает план раздела хорватской и сербской территории, в результате которого сербы получали, например, всю Боснию и Герцеговину. Это никак не соответствовало его правашским убеждениям, но в условиях войны это был грамотный тактический ход. К. Геруц проявил себя в России не только как посредник между Россией и зарубежными славянами, но и как пропагандист хорватской государственной идеи.

В шестом параграфе рассказывается о проблеме авторства брошюры «Хорваты и борьба их с Австроией», опубликованной в 1890 г. под фамилией русского публициста М.М. Филиппова, а также о К. Геруце и М. Дошене как ее возможных авторах.

В начале данной работы приводятся сведения по средневековой истории хорватских земель. Отдельные главы посвящены возникновению у хорватов письменности и христианизации этого народа. Затем в книге дается анализ развития общественной мысли во второй половине XIX века, а в приложении приведены документы хорватского сабора, сведения о наречиях хорватского языка и многое другое. Особый интерес представляют те ее разделы, которые посвящены лидерам Партии права. Именно они стали для некоторых хорватских историков основанием для сомнений в русском авторстве этого сочинения.

В разделах брошюры, в которых рассказывается о Партии права, дается краткая характеристика деятельности Е. Кватерника и более развернуто – А. Старчевича. Автор характеризует Старчевича как верного своим убеждениям политика и талантливого оратора. Акцентируется внимание на позитивных высказываниях лидера Партии права о России и православии, особо подчеркивается его неприязненное отношение к светской власти папы Римского. Деятельность Й.Ю. Штроссмайера, напротив, представлена в самых негативных тонах. Автор брошюры пытается доказать, что главной целью епископа является обращение русского на-

рода в католицизм. Пристрастность, которая свойственна тексту этой работы, стала основанием для версии о том, что ее авторами были К. Геруц и М. Дошен, использовавшие псевдонимы «Филиппов» и «Билайградский», которой придерживаются хорватские историки М. Гросс и С. Маткович.

Для определения авторства данной работы в диссертации был проведен сравнительный анализ основных идеиных положений, представленных в статьях и брошюрах К. Геруца, М.М. Филиппова и в тексте брошюры «Хорваты и борьба их с Австрией». В вопросе о культурном объединении позиции Геруца и Филиппова во многом совпадают – оба выступают против немедленного введения общеславянского литературного языка. В брошюре приводятся схожие утверждения, что славяне должны объединяться прежде всего в сфере культуры, только путем постепенного развития. С другой стороны, в одной из статей Геруца речь идет в том числе и о возможности объединения хорватов с сербами и словенцами. В книге обнаруживается похожая мысль о необходимости «частного литературного единства» именно хорватов и словенцев. У Филиппова же в данном контексте нет упоминаний о каком-либо конкретном славянском народе. Что касается славянофильской идеологии, то Геруц осуждает поздних славянофилов, своих современников. Аналогичные высказывания встречаются и в тексте брошюры о хорватах, где «чистое» славянофильство отделяется от славянофильства «переродившегося». Отношение к сербам, выраженное в отдельных публикациях и Геруца, и Филиппова, наиболее ярко демонстрирует различие в их позициях. Филиппов восхищается Сербией, тогда как Геруц осуждает экспансионистскую политику Сербии и деструктивную роль сербов, проживающих в Хорватии. Очевидно идейное сходство этих положений Геруца с утверждениями о «великосербских притязаниях» на Боснию, Герцеговину и Македонию, которые встречаются в тексте брошюры.

Таким образом, основываясь на результатах сравнительного анализа выдержек из статей Филиппова и Геруца, а также текста самой брошюры, можно утверждать, что позиция хорватского публициста имеет больше сходства с основными идеями сочинения «Хорваты и борьба их с Австрией», нежели позиция Филиппова. В пользу хорватского авторства брошюры свидетельствует псевдоним «Билайградский», указывающий на родной город М. Дошена, а также указанные в тексте брошюры инициалы «М.Д.». Кроме того, на титуле брошюры «Хорваты и борьба их с Австрией», а также брошюр К. Геруца, изданных в 1909 г., место издания обозначено не как «Санкт-Петербург», а как «Петроград». Именно так

южные славяне называли столицу Российской империи. Все это, по мнению диссертанта, свидетельствует в пользу хорватского авторства брошюры.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сформулированы следующие выводы, выносимые на защиту:

1) О возникновении в России интереса к Хорватии, к ее истории и современному политическому и культурному развитию можно говорить уже в первой половине XIX в. В этот период зарождалось отечественное славяноведение как комплекс научных дисциплин, при российских университетах создавались кафедры истории и литературы славянских наречий, русские ученые и общественные деятели посещали хорватские земли. Впечатления от поездок, во время которых они работали с архивными документами и устанавливали первые контакты с хорватскими коллегами, нашли отражение в их путевых заметках и переписке. Распространению знаний о хорватских землях в России вначале способствовал один и тот же круг лиц, в частности, М.П. Погодин и И.И. Срезневский.

2) Во второй половине XIX – начале XX вв. в России повышается интерес к хорватской истории и культуре, о чем свидетельствуют публикации отечественных славистов, и среди них – работы, посвященные непосредственно Хорватии. В большинстве этих исследований прослеживается общая черта: вплоть до начала XX в. очень немногие ученые выделяли хорватов из общей сербо-хорватской «массы». В то же время далеко не все исследователи осуждали хорватов за исповедание католицизма и принадлежность к западной цивилизации в целом. Многие отечественные слависты, когда речь шла о средневековой государственности хорватов или об их современных достижениях в литературной и научной областях, сравнивали их с сербами, и сравнение было отнюдь не в пользу последних.

Особая роль в налаживании хорватско-российских связей принадлежит российскому дипломату, историку, публицисту и этнографу Л.В. Березину. Будучи в 1862–1869 гг. русским вице-консулом в Риеке, он устанавливал контакты с представителями хорватской интеллигенции, интересовался культурной и политической жизнью хорватов, способствовал распространению хорватской культуры в России, и русской – в Хорватии. Все собранные Березиным материалы о Хорватии стали основой для его статей и его главного труда – «Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница».

Значительный вклад в развитие связей между двумя народами принадлежит священнику М.Ф. Раевскому, исполнявшему посредничес-

ские функции между Россией и зарубежными славянскими народами в налаживании и развитии научных и культурных связей. Именно благодаря Раевскому хорваты получали интересующие их издания из России и пересыпали хорватские научные труды своим коллегам из России. Переписывались с Раевским и русские ученые-слависты, чьим успехам в установлении личных контактов с их хорватскими коллегами способствовала посредническая деятельность протоиерея Раевского.

3) Интерес к России наблюдался и у хорватских общественных деятелей. Роль России в Европе и славянском мире, ее возможное влияние на судьбу Хорватии находились в центре внимания идеологов югославизма и праваштва – двух главных направлений хорватской политической мысли. Лидеры югославистов, Й.Ю. Штросмайер и Ф. Рачки, были искренне заинтересованы в сближении с Россией, видели в ней великую славянскую державу, поддерживали многие ее внешнеполитические устремления, хотя находились у них и слова критики в адрес русской политики. Одной из главных идей епископа Штросмайера было сближение католической и православной церквей. Его единомышленником оказался русский философ В.С. Соловьев, разделявший идеи Штросмайера о церковном объединении. Взаимоотношения хорватского епископа и русского мыслителя являются наглядным примером хорватско-российских контактов в духовной сфере.

4) Лидеры Партии права, Е. Кватерник и А. Старчевич, в силу своих политических убеждений были настроены гораздо менее «русофильски» и испытывали больше трудностей в установлении контактов с Россией. Е. Кватерник положил начало этим контактам, впрочем, не слишком удачное. Сказались и предрассудки в отношении католиков, существовавшие в России, но в гораздо большей степени – личные качества самого Кватерника, человека деятельного, активного, но несколько самоуверенного и не всегда знавшего меру, что и предопределило его фиаско в вопросе поддержки Россией его планов по освобождению Хорватии. Несмотря на это, Россия оставалась в поле зрения Партии права, прежде всего ее лидера А. Старчевича, как возможная союзница в борьбе с Австрией. Отношение Старчевича к России на протяжении 1870–1890-х гг. часто менялось. Критика русского абсолютизма сменялась всплеском восхищения, возникшим под влиянием внешнеполитических успехов России в конце 1870-х гг., а эта эйфория, в свою очередь, сменялась тем же критическим отношением уже после ужесточения режима в России после воцарения Александра III в 1881 г. Нельзя не согласиться с

хорватскими историками, считавшими, что русофильство Старчевича носило тактический характер.

Один из сторонников идей Старчевича и Кватерника, Крунослав Геруц занимает особо место в развитии хорватско-российских отношений. Он прожил в России несколько десятилетий, занимался книготорговлей и общественной деятельностью. Ему удалось внести свой вклад в развитие русско-славянского книгообмена, несмотря на то, что его предприятие просуществовало всего несколько лет. Но одна из сторон деятельности Геруца пока еще глубоко не исследована. Помимо деятельности в сфере хорватско-российских культурных взаимосвязей, он занимался и политической деятельностью. Он был талантливым пропагандистом правашских идей и хорватской государственной идеи вообще на территории России. В своих статьях и брошюрах он продвигал правашские идеи, ловко маскируя их под рассуждения о культурном единстве славян под водительством России.

5) Значительный вклад в развитие хорватско-российских контактов, прежде всего, научных, внес Ватрослав Ягич. Он посвятил России значительную часть своей жизни и карьеры, узнал русскую жизнь с самых разных сторон. Однако нельзя сказать, что Ягич за то десятилетие (с перерывами), в течение которого он жил и работал в России, полностью там ассимилировался. Несмотря на отличное знание русского языка и литературы, Ягич продолжал оставаться хорватом, выросшим в Австро-Венгрии. Именно на его примере очень хорошо видна та противоречивость натуры, которая свойственна австрийским славянам, близким русским по языку, но отделенным от них в других областях культуры. Ягича не устраивало в России отсутствие материальных гарантий и упорядоченности в бытовой сфере. Поэтому ему после Одессы и Петербурга, где он работал, хотелось уехать в Берлин и в Вену. Но Ягич ощущал свою чужеродность в немецкой и венгерской среде, где он был прежде всего славянином, хорватом. Эта раздвоенность сознания была свойственна ему на протяжении всей его жизни.

6) В последней трети XIX – начале XX вв. весьма заметную роль в хорватско-российских связях играл Степан Радич, лидер крестьянского движения Хорватии, один из самых популярных политических лидеров хорватского народа. Он рано стал интересоваться Россией и русским языком, распространению которого среди хорватов содействовал, видел в России центр славянского мира. Конечно, ему пришлось столкнуться и со многими трудностями, особенно во время поездок в Россию, где он в полной мере ощутил особенности и крайности русской жизни. Пример

Радича показывает, что стереотипы русского общества о хорватах оказались весьма живучи и сохранились вплоть до начала Первой мировой войны, но вместе с тем ему удалось найти в России отклик и понимание со стороны многих людей. Хорватский политик публиковал свои статьи на русском языке, читал лекции в России – словом, имел возможность доносить свою точку зрения до русской публики. Тот факт, что ни существовавшие стереотипы о хорватах, ни отсутствие поддержки среди многих официальных лиц, ни усилившиеся в России негативные настроения в преддверии мировой войны в отношении Австро-Венгрии, которые переносились и на хорватов, ни последующие события (война, революция, падение Габсбургской и Российской империй) не повлияли на интерес Радича к России, который, как показывают документы, был живым и искренним.

7) Брошюра «Хорватия и борьба их с Австрией», изданная под фамилией М.М. Филиппова, является уникальным примером пропагандистской работы активистов Партии права (К. Геруца и его соратника М. Дошена) на территории России. Эта работа, содержащая в себе неприкрытое восхваление А. Старчевича и его идей, не могла быть написана русским исследователем, в чем сомневались еще первые рецензенты этой книги. Можно предположить, что лидеры Партии права, с конца 1870-х гг. относившиеся к России с симпатией и видевшие в ней возможного союзника, попытались воспользоваться сложившейся ситуацией и с помощью доверенных лиц в России издать работу, которая могла бы ознакомить русского читателя с идеями Партии права, представленными в самом позитивном свете и, таким образом, вызвать у русского читателя симпатию по отношению к правашским идеям.

8) Во второй половине XIX – начале XX вв. хорватско-российские связи в области политики и культуры вышли на новый уровень. Если в начале девятнадцатого столетия отечественные и хорватские ученые и дипломаты делали только первые шаги навстречу друг другу, то после Крымской войны ситуация в значительной степени изменилась. Русские слависты из различных университетских центров уже не только путешествовали по хорватским землям и публиковали свои отчеты о них, но и исследовали различные проблемы хорватской истории и культуры, способствуя формированию кроатистики как неотъемлемой части славистических исследований. Хорватские общественные деятели и ученые также стремились завязать контакты с Россией, на поддержку которой они рассчитывали. Так складывались двусторонние отношения между двумя народами. На пути энтузиастов хорватско-российского сближения

стояло множество препятствий различного характера, осложнявших их деятельность: геополитическое соперничество Австро-Венгрии и России, принадлежность хорватов к католической церкви, ориентированность России на православных славян и связанные с этим стереотипы о хорватах, существовавшие в русском обществе. Но к началу Первой мировой войны сторонниками хорватско-российского сближения с обеих сторон было сделано многое для становления и укрепления связей двух народов в различных сферах деятельности.

Работы соискателя по теме диссертации:

Работы, опубликованные в ведущих российских журналах
из перечня, утвержденного ВАК
Министерства образования и науки РФ:

1. *Ващенко М.С.* «Хорватский консул» в Петербурге. Крунослав Геруц и его пропаганда в России // *Родина* (№ 1530). 2010. № 4. С. 59–62.
2. *Ващенко М.С.* Хорватская тема в русской общественной мысли 1830–1870-х гг. // *Славянский альманах* (№ 1639). 2009. М., 2010. С. 176–187.
3. *Ващенко М.С.* Тесная связь на бытовом начале. Русский консул Березин и хорваты // *Родина* (№ 1530). 2011. № 3. С. 66–68.
4. *Ващенко М.С.* Проблема авторства монографии «Хорваты и борьба их с Австрией»: к вопросу о пропаганде хорватской национальной идеи в России // *Славяноведение* (№ 1638). 2011. № 3. С. 69–76.

Подписано в печать 14.06.2011

Объем 2,2 п.л. Тираж 100 экз.

Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru